

Анна Михалевская

Сорок первый карп

Бабушкин буфет треснул на рассвете, под гудок сирены. Трещина шла наискось – через створки и стекла в них, через резные украшения и столешницу. Я с силой дернула на себя заклинившую дверцу, посыпались осколки. На полках не осталось ни одной целой тарелки.

Буфет был последним форпостом этой реальности.

Радио не затихало, даже когда звук был полностью выключен. Каждый божий день оно захлебывалось: выпущено десять, нет, тридцать, нет, сорок ракет... есть жертвы... жилой дом... бомбы попали... беженцы... женщины и дети...

Новости оседали на нас, на шкафах и тумбочках, впитывались в зеркала, сквозняком их задувало под кровать, растаскивало по полу. Они разрушали все, к чему прикасались. Особенно соевую. Сквозь трещины долетал далекий шепот: «Мы будем мстить. Мы никогда не забудем».

Мой мир приходил в негодность.

Вчера я проснулась одна. Подушка рядом пустовала – мужа не было. В комнате родителей – никого. Конечно, я искала. Но соседи сказали: «Не трать силы». Родные застряли где-то там, а мы где-то здесь, ничего не вернуть.

И сейчас, держа в руках осколки, которым никогда не стать целым, я вспомнила слова бабушки: «Если чего-то не можешь найти, спроси на Привозе».

Отчаянно хотелось все склеить как было.

Привоз

Начала с мясного корпуса. Обычно здесь знали всё.

Перебрасывая костреч на прилавок, торговка рывкнула:

– Жека!

Здоровенный детина оторвался от разделки туши. Вытер руки о передник в кровавых разводах. Неожиданно осмысленно глянул на меня.

– Тут мадам спрашивает за какой-то клей, типа если мир потрескался, – начала объяснять торговка.

– Не, у нас такого нет, – протянул Жека, оглядывая тушу. – Биток могу, шею могу, вырезку – тож, а склеить – это к Семенычу.

– Слыхали? Вам к Семенычу, – торговка кивнула в сторону молочного корпуса.

На Семеныча указали сразу – Привоз, если им умело пользоваться, почти как гугл, только механизмы поиска слегка запутаны и сильно непредсказуемы. Приветливый дед выкладывал кругляши брынзы из потертой сумки, когда я спросила его про клей.

– Выстоянная брынза есть, хочешь? Козочка, овечка? Попробуй!

Семеныч чиркнул по кругляшу и протянул на ноже белый ломтик. Рот стянуло от соли, я нетерпеливо поправила лямки пустого рюкзака. Похоже, Жека что-то напутал.

– Ну нет его сейчас, не сезон, – оправдывался Семеныч. – Не первая спрашиваешь. По всем вероятностям и кротовым норам искал – ничего. Ты это, лет через сто загляни...

Я плелась между рядов румяных продавщиц. Творог оплывал перед ними на чистой и не очень марле. Всё как всегда. Если не вглядываться в лица. Через каждое шла паутинка трещин и терялась где-то в глазах.

Выйдя из корпуса, я направилась через фруктовые прилавки.

– Груши-мед!

– Дешевые помидоры! Дешевле только спички!

– Берите огурцы! Сами в рот прыгают!

– Персики! Точный вес!

В привычном гомоне нарастал гул. Иногда мне казалось, что завывла сирена. Иногда слышался низко летящий самолет. По земле пробежала дрожь и отдавалась во всем вокруг.

– Работает ПВО! – продавцы переглядывались с покупателями и подчеркнуто уверенно кивали друг другу.

Но я знала, что это не сирена, не самолет, не ПВО. Так трещал мир, который почему-то пока не треснул окончательно.

Вжимая голову в плечи, я побрела в рыбные ряды. Мне там не нравилось, но именно в таких местах часто находятся ответы на важные вопросы. Наверное, потому что эти ответы нам не нравятся так же, как и места, где они зарождаются.

Стараясь не дышать и пытаясь обойти самые глубокие лужи из рыбной юшки, я купила еще живого карпа и принесла на разделку.

Дядю Яшу я знала давно. Он вопросов не задавал. Окидывал быстрым взглядом, нет, не клиента, рыбу и говорил:

– Десять минут.

Бросал рыбу на разделочный стол и, уже отворачиваясь, вскользь замечал:

– Предложат работу, соглашайся.

Или:

– Мирись первой, хороший мужик.

Или:

– Хватит мямлить. Обнаглей и проси чего хочешь.

Из каких эмпириеев дядя Яша брал эти откровения, знала только умирающая под его ножом рыба. Чаще всего он оказывался прав. В остальных случаях тоже был прав, но какое-то время спустя.

По обыкновению я молча протянула рыбу.

А вот дядя Яша нарушил протокол. Открыто посмотрел в глаза и долго не отводил взгляда. Так долго, что подумалось – мое лицо тоже пошло трещинами.

– Никто тебе его не продаст. Не ищи.

Карпы

Покрепче перехватив трепыхающуюся рыбу, я побрела домой. В ушах стоял оглушительный треск, но спокойные лица людей ничего не выражали. Трещины на лицах стали глубже: через них проглядывала Преображенская, группка ребят с желто-синими повязками на рукавах и уходящий к Соборке трамвай.

Карп оказался на удивление живуч – рыба извивалась и прыгала со стола на стул, со стула на пол. Я набрала ванную, где мы привыкли сидеть с телефонами и ждать неизвестно чего, и выпустила карпа. Тот вильнул хвостом и залег на дно.

Сама же пошла собирать по квартире осколки.

Вот эта чашка треснула, когда мы первый раз услышали, как работает ПВО. В табуретке надломилась ножка, когда небо заволочло чернотой – бомба угодила в нефтебазу. Забытый на огне железный чайник сгорел до углей после дня нескончаемой канонады взрывов. А вишня – голое дерево за окном – засохла в тот день, когда ракета прошила жилой дом, похоронив в обломках младенца, маму и бабушку.

Прислушиваясь к плеску в ванной, я составляла осколки и так и эдак. Но чашка не желала становиться чашкой, а в обгоревшем чайнике уже нельзя было вскипятить воду..

– Любчик, не пойму который час... – в дверях появился сосед Йосип Валерьянович и протянул мне настенные часы без стрелок.

Он и раньше заходил. С тех пор как пропали его дети, мы все время что-то искали. Альбом с отцовскими довоенными фотографиями. Бусы покойной жены Полечки. Галстук, в котором он женился. И костюм, в котором собрался умирать. Находили что-то совсем другое. Похожее. И чужое. Йосип Валерьянович расстраивался, но продолжал поиски. Теперь потерялись стрелки.

– Полтретьего, – наугад сказала я, не особо веря, что стрелки еще есть в этом мире.

– Утра или дня?

– Жизни.

Раздался громкий всплеск. Переступая через груды осколков, мы поспешили к карпу. В ванной плавало уже две рыбины!

– Любчик... – удивился Йосип Валерьянович, – у тебя закончились сбережения? Ты вынуждена торговать рыбой?

– А знаете что, возьмите! – я переложил одного карпа в тазик с водой.

Почему-то была уверена: сосед не станет его жарить.

Часы без стрелок остались на моем подоконнике. В кои-то веки Йосип Валерьянович перестал интересоваться прошлым. И даже будущим, где его ждал только похоронный костюм.

Я засыпала под мерный плеск, доносившийся, казалось, отовсюду. Под закрытыми веками шумело запрещенное море, мины резвились – прыгали через волнорез, туда-сюда, туда-сюда.

Утром в ванной били хвостами уже три рыбы. Я слушала, как плескались карпы, и снова пыталась сложить осколки.

К вечеру пяти карпам стало тесно, пришлось разнести соседям. Те вросли в свои квартиры, их ноги у кого по щиколотку, у кого по колено были присыпаны обломками да осколками.

– Уговори их! Они не хотят ехать! – твердила Настя с первого этажа. И не замечала, что родителей, о которых она беспокоится, уже нет.

Одинокая Марья Федоровна молчала. Хрупкую старушку за обломками было уже не разглядеть.

– Звери, – говорил Ванька. Он сидел за столом в камуфляжной форме и сжимал в руке пустую стопку. – Как можно... Дети...

Они меня не слышали. Только Йосип Валерьянович крутился рядом, помогал наполнять соседские ванны и запускать туда карпов.

Кое-где квартиры шли трещинами настолько широкими, что их приходилось перепрыгивать. Залатывать было нечем. В свою самую большую, между кухней и ванной, я сыпала осколки со всех комнат. Странное дело, трещина затянулась.

С квартирами соседей пришлось повозиться. Обездвиженные обломками и все же не желающие с ними расставаться, соседи злились и отгоняли меня. И мы пошли на хитрость.

– Любчик, – завел Йосип Валерьянович, обращаясь к Ваньке, – никак в толк не возьму, чем хорош этот ваш хваленый HIMARS?

В мутных глазах Ваньки проступило удивление, и он сперва нехотя, а потом все с большим запалом пустился в объяснения. Йосип Валерьянович все сыпал вопросами, а я незаметно отгребала осколки от Ванькиных ног.

И так с каждым соседом. У Йосипа Валерьяновича находились темы для беседы, а у меня новый совок и веник...

Вечером, высматривая в небе огоньки спутников, я неожиданно наткнулась на тишину. Тот звук, который мы долгое время принимали за сирену, на миг стих. И донеслись далекие слова о прощении и прощании.

Я кормила карпов и подолгу смотрела, как они играют в ванной. И во взмахах хвоста, в их огненной чешуе мне чудились силуэт молодой женщины, ребенок в коляске нетерпеливо болтал ножками, и старшая женщина рядом протягивала ему резиновую рыбку. Все возможно, говорили карповы хвосты. Все еще будет...

Не знаю, сколько времени прошло, у нас не было ни часов, ни календарей. Но в день, когда появился сорок первый карп, и мы отнесли его уже в другой двор, рыбы перестали плодиться.

Реальность

Осколки все еще лежали в наших квартирах, в новостях сообщали о взрывах и погибших, канонада оглушала и слух, и здравый смысл. Мы старались чаще сгребать осколки в трещины. Не было ничего другого, чем заполнить пустоту разрухи, – только память о прошлом. Какой бы горькой она ни была. И пространство рубцевалось, прорастая вощеным паркетом, свежими обоями, выдавливая неведомо откуда то заблудившихся животных, то любимые книги, то семейные фотографии.

Когда-нибудь, мы верили, из трещин выйдут пропавшие близкие. И ничего не придется больше склеивать.

А пока в наших ваннах плескались красные карпы. Это было единственное, что мы знали наверняка.

